

Этот дом № 14 на Тверском бульваре знаком многим москвичам. Он интересен не только тем, что сохраняет черты старинной московской усадьбы. Здесь растет самый древний на нашем Бульварном кольце дуб, которому больше двухсот пятидесяти лет. Дуб рос еще тогда, когда на месте кольца стояла оборонительная стена Москвы - так называемый Белый город.

ДОМ У ДУБА

Решением Екатерины II Белый город был снесен. Разобранный кирпич пошел на строительство здания мэрии (на Тверской улице, 13) и Воспитательного дома для сирот и подкидышей (Китайгородский проезд - нынешняя Военная академия), остатки разобрали для своих нужд москвичи. По плану реконструкции города стены предполагалось заменить зеленым кольцом бульваров. Тверской оказался первым - его разбили в 1796 году по проекту московского архитектора, одного из строителей Старого Гостиного двора на Варварке С. Карина.

Высаженные березки вскоре заменили липами, устроили цветники, фонтаны, и бульвар превратился в любимейшее место гуляния москвичей. Решением архитектора был бережно сохранен дуб, росший за стеной Белого города. Со времен Петра дуб считался самым ценным деревом, и император установил строжайшие наказания за его порчу.

Но наступил 1812 год. На бульваре расположились наполеоновские части, на кострах готовили себе пищу. Здесь же на фонарях вешали москвичей, обвиненных в поджоге города. Были сожжены и ограблены все барские особняки, стоявшие вдоль бульвара, в том числе дом № 14. Все предстояло отстраивать заново.

Сами москвичи удивлялись, как быстро был возвращен прежний вид Тверскому. Еще стояли кругом остовы домов, а уже восстановлены газоны, появились фонтаны, мостики, беседки... Напротив нынешнего Драматического театра им. Пушкина построили кондитерскую - любимое место встреч московских литераторов от Пушкина и Грибоедова до жившего в нашей столице знаменитого поля-

ка Адама Мицкевича. Начиная с обеденного времени на бульваре играл военный оркестр, постоянно выступал хор.

Владельцы уничтоженных особняков в большинстве своем вынуждены были уступить место богатым купцам. Особняки и усадьбы стали переделывать под съемное жилье. Та же участь постигла и дом № 14, но перемьны принесли ему широкую известность. В бельэтаже этого дома снимает квартиру и устраивает мастерскую портретист Петр Захаров, которого его учитель Карл Брюллов называл вторым после себя мастером портретов. Мало того: Петр Захаров - это ведь Мцыри Лермонтова! Именно его жизнь и образ описал поэт в своей поэме. Они познакомились, когда по заказу бабушки Лермонтова художник должен был написать портрет ее внука, выпускника военной школы.

История Петра Захарова - действительно настоящая поэма. Генерал А.П. Ермолов заложил на Кавказе крепость Грозную (нынешний Грозный) и во время связанных с этим военных действий увидел осиротевшего трехлетнего мальчика. Генерал взял его к себе и стал крестным отцом. Маленький чеченец получил отчество и фамилию денщика Ермолова - казака Захарова, который выходил ребенка. Подросток Петрушу, как стали его называть, забрал к себе двоюродный брат Ермолова, также боевой генерал, воспитавший мальчика вместе со своими детьми.

Редкие способности Петра к рисованию заставили Ермолова хлопотать об устройстве воспитанника в Академию художеств, которую тот успешно окончил и, скучая по своим приемным родителям, вернулся в Москву. К этому времени он

уже был признанным мастером и имел звание академика - кстати, за портрет своего крестного отца. Именно Захарова выбирает Герцен, когда понадобился портрет знаменитого профессора Московского университета Т.Н. Грановского. Среди его близких знакомых - известный хирург И.П. Постников, в сестру которого Александру Петровну Захаров долгие годы был влюблен, не решаясь признаться в своем чувстве. Александра Петровна вышла замуж, овдовела и только тогда, подталкиваемый друзьями, художник сделал предложение, которого с самого начала ждала его возлюбленная. Венчание состоялось в церкви Покрова в Кудрине (на месте нынешнего высотного здания на Садово-Кудринской площади). Венец над женихом держал сам генерал Ермолов. Шел 1846 год.

Счастье молодых оказалось очень недолгим. Через два месяца после венчания не стало Александры Петровны, зарвавшейся от мужа скоротечной чахоткой. Спустя три месяца после жены ушел и художник. Оба были отпеты в той же церкви и похоронены на Ваганьковском кладбище.

В начале минувшего века этот дом оказался связанным с историей МХАТ: в нем снимает квартиру один из первых актеров труппы В.В. Тезавровский. Не располагая еще собственным зданием, актеры репетируют многие сцены в этой квартире. Среди друзей хозяина здесь бываю О.Л. Книппер-Чехова, В.Э. Мейерхольд, И.М. Москвин.

Несомненно, архивные поиски помогут найти еще немало интересного, связанного с историей «дома у старого дуба». Но и того, что известно, достаточно, чтобы отнести старый особняк к числу ценных памятников русской культуры. Думается, придет время, когда на этом доме появится мемориальная доска.

Нина МОЛЕВА,
профессор

доктор исторических наук

ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

ЖРИЦ ЛЮБВИ В БЕЛЬЭТАЖ НЕ ПУСКАЛИ

Блюстители нравственности из городского ГУВД «накрыли» очередную стационарную бордель в центре столицы. Но наверняка не последний. А электронные СМИ, сопровождающие свои репортажи на эту тему съемками милицейских облав на проституток, грустно констатируют: ничего-то с «первой древнейшей профессией» не поделаться... Между тем в нынешнем году исполнилось ровно 160 лет одному любопытному документу.

В свое время, устав бороться с нравственным падением определенной части населения, власти Российской империи пришли к выводу: проблема постыдного ремесла неразрешима, поскольку само ремесло неискоренимо, но может быть взято под контроль. И 11 июня (29 мая по старому стилю) 1844 года министром внутренних дел России были утверждены «Правила для публичных женщин», строго регламентирующие развратный промысел.

Главная задача, которую ставила перед собой власть (в лице специально созданных врачебно-полицейских комитетов), - это регистрация всех проституток и публичных домов, обеспечение их надлежанием полицейским надзором и врачебным контролем, а также выявление тайных проституток и нелегальных притонов. Отныне всякая женщина, вознамерившаяся выйти на панель, должна была в обязательном порядке пройти строгое медицинское освидетельствование, получить санитарный билет («желтый паспорт») и ознакомиться под личную подпись с вышеупомянутыми «Правилами». В Москве, если верить архивам, этим занимались более 50 врачебно-полицейских комитетов, созданных в каждом районе города.

Каково же было конкретное содержание указанных «Правил»? Во-первых, проституцией не разрешалось заниматься женщинам моложе 21 года. При всеобщей санитарной билетизации проституток проконтролировать этот пункт было проще простого. Нарушительниц ждал исправительный дом. Во-вторых, всякая женщина, ступившая на путь разврата, должна была вести себя исклю-

чительно скромно: не пить вина (особенно «столового белого», как тогда именовалась водка), не курить, как можно меньше пользоваться косметикой, не высовываться в непристойном виде из окна и не звать клиента в постель. В-третьих, жрицам любви запрещалось занимать в театрах места в передних рядах и бельэтажах.

Любая представительница этой «профессии» обязана была перед «работой» по первому требованию клиента предъявить свой санитарный билет. Пока клиент дотошно изучал в нем даты последних медицинских осмотров, женщина, по «Правилам» же, тоже дотошно оценивала его, так сказать, потенциал. Она имела право даже на этом этапе знакомства дать задний ход, то есть попросту указать клиенту на дверь - без всякого объяснения причин отказа.

Проститутки-одиночки (на современном языке - «индивидуалки»), как и сейчас, «работали» на какой-то одной определенной территории. Это, как правило, делало их поднадзорными. Полицейские агенты тогдашних «индивидуалок», конечно же, всех знали в лицо. Наиболее «порядочным» из этого «летучего» контингента предлагалась должность «старостих». Не в смысле нынешних «мамоек», коих непременно показывают в любом телесюжете. Старостиха обязана была строго следить за «полетами» подконтрольных ей «ночных бабочек», неукоснительно следуя «Правилам». Самое главное - ей вменялось в обязанность выявлять среди своих подопечных тайных проституток: тех, которые не проходят регулярно, еженедельного, врачебного осмотра. Обо всех

выявленных фактах нарушений «Правил» она должна была в обязательном порядке сообщать в полицию, которая регистрировала каждое такое сообщение.

И ведь сообщали! И регистрировали! По очень простой причине - финансовой. За предоставленные в полицию сведения «старостиха» получала от врачебно-полицейского комитета определенную награду. В архивах встречаются записи о выдаче «старостихам» даже «красненьких»: 10 рублей - гигантская по тем временам сумма. А как полиция оправдаться перед ревизорами в выдаче таких сумм? Только одним - регистрацией. Вот и регистрировали - для отчетности, постановкой которой старая Москва по праву гордилась.

Ну а тех поднадзорных проституток, которые не желали выполнять требования «Правил», врачебно-полицейские комитеты могли квалифицировать уже как тайных. И за тайный разврат судить по статье 44 Уголовного уложения. Сравнительно с нынешними штрафами в сотню-другую рублей - как говорится, почувствуйте разницу.

Но были и такие жрицы любви, кому даже ночью было все-таки стыдно болтаться по панели на виду у всего честного народа. Что ж, выбор у них был: они, опять же по «Правилам», могли избрать для себя закрытую форму поднадзорного разврата - поступить «работать» в легальный публичный дом, или притон. Заметим: не в «бордель» - таковых в Российской империи просто не было. Слово сие вошло в наш обиход только с Февральской революцией 1917 года.

Что собой представляли эти притоны? Как ни парадоксально, совсем не то, что, с легкой руки отечественной литературы XIX века, принято показывать в художественных фильмах, - заведения, где «дым коромыслом»: море разливанное шампанского и прочих горячительных напитков, крошечные табачные клубы, и развеселые девушки лихо отплясывают канкан. По «Правилам», публичный дом должен был иметь окна с наглухо закрывающимися ставнями, комнаты, изолированные друг от друга, буфет, где не разрешалась продажа ни вина, ни табака. Не звучала здесь и

музыка. Запрещались любые азартные игры. И не дай бог, в комнате для свиданий будет висеть портрет какой-нибудь высочайшей особы императорского двора.

Вообще, дома терпимости - притоны - открывались только с разрешения полиции. Они должны были быть удалены от церквей, школ, училищ и всех прочих богоугодных заведений на расстояние не менее полукилометра. «Красные фонари», будто бы висевшие у входных дверей таких «пристанищ разврата», - это выдумки опять же нашей литературы. Никаких «фонарей» и прочих отличительных знаков разврата ни один притон не имел. Во всяком случае, не должен был иметь - все по тем же «Правилам».

Если одиночные «бабочки» самостоятельно прокладывали трассу своего «полета» («штурманы»-суенеры у них появлялись гораздо позднее), то проститутки в домах терпимости подчинялись содержательницам таковых. Однако власть держательниц над своими подопечными была далеко не безраздельной. Опять же по «Правилам». Во-первых, хозяйка дома терпимости имела право только на три четверти заработка проститутки - четверть оставлялась самой «девушке-работнице». Сейчас, говорят, «крыша», которой обзаводится современная проститутка, берет меньше - от 60 до 40 процентов заработка. Но «прогресс» в смысле улучшения финансового состояния современных жриц любви все-таки относителен: ведь в те далекие времена «девушка» была на полном пансионе у содержательницы. Не только еда, но и одежда, и белье, и косметика - все было за счет «заведения».

Во-вторых, содержательница притона, по «Правилам», не имела права принуждать проститутку к «внеурочной работе». Не более восьми клиентов за сутки - таковы были требования «Правил». А поговорите-ка с нынешними «бабочками» - сколько у каждой «норма» приема?..

И наконец, если «ночная бабочка» решала-таки порвать со своим позорным бытием и мягко «спланировать» на «тропу чистоты и добродетели», то, оказывается, ни одна хозяйка притона не смела ее от этого удерживать. Она обязана была дать «девушке» «полный и честный расчет», оставив при ней все приобретенные за время «работы» на средства притона наряды, белье и косметику. Что же касается спорных вопросов по сему случаю, то «Правила» оставляли их исключительно на усмотрение мирового суда.

Конечно же, никакие «Правила» не могли и не могут самому явлению воспрепятствовать. Но по крайней мере делают его контролируемым. Такому бы контролю да поучиться. Увы, история, как известно, ничему никого не учит...

Геннадий ВОСКРЕСЕНСКИЙ